

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть четвертая. ГРЕХОВНЫЕ МОЛИТВЫ</i>	7
Глава первая	9
Глава вторая.....	48
Глава третья.....	87
Глава четвертая.....	115
Глава пятая.....	135
Глава шестая.....	180
Глава седьмая.....	203
Глава восьмая	229
Глава девятая.....	261
Последняя глава	296

Посвящается «Жребию Салема»

— ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ —

ГРЕХОВНЫЕ МОЛИТВЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рука Сэйсина застыла у доски. В конце концов он, так ничего и не написав, просто положил мел на место. Прибрался на столе, выключил обогреватель и покинул кабинет, тихонько прикрыв за собой дверь.

Стоило выйти из храмовой кухни, в лицо ударили пронизывающий ветер. Солнце село, и на небе с востока на запад вдоль горных вершин растянулся градиент догорающего заката от насыщенной синевы до багрянца. Зажглись первые звезды, и все вокруг застыло в тишине.

По пути из храма священнику не встретились ни Мивако, ни Мицуо, ни Кацуэ. Больше не приезжали в святую обитель Цуруми с Икэбэ. Пропал Суми, все реже наведывались прихожане. Храм умирал. Мицуо остервенело убирался в коридорах и во дворе, поэтому в стены священной обители еще не пришло разорение, но уныние — неизменный спутник любых развалин — укрыло тут все ровной пеленой.

Еще явственнее оно угнездилось в горах сразу за кладбищем. Ветер тихо шуршал иссохшими травами. Эти земли уже истощились...

Запустелые земли промерзли и затвердели...

...и осенены безнадежным знаком смерти...

...вздымаясь искривленными волнами.

Небо мрачно нависало над пустошью...

...от сгустившихся сумерек.

...и мир казался четко разделен на две половины...

*«Сумерки как воплощение тени и кровавый багрянец за-
ката...»*

...почву и тучи.

*Меж ними, точно лезвие, летел только ветер, и ни единого
луча...*

...божественного сияния...

...не освещало ни небеса, ни землю.

Ветер, что подымался от подножья горы, летел беззвучно, и к нему не примешивалось никакого запаха. Деревню, что проглядывала где-то внизу между пихт, точно так же, как и храм, укутывало унылое запустение. Каждым органом чувств Сэйсин ловил признаки приближающегося погребения, которое возвестит об абсолютной и неотвратимой смерти Сотобы.

Исчезли люди с лесосклада. За ним, вверх по насыпи, еще стояла больница доктора Одзаки. Там горел свет, но, как одинокий буек в бескрайней черноте моря, огонек только навевал одиночество и не дарил сердцу тепла. Сэйсин ненадолго остановился, вглядываясь в окно, через которое столько раз лазил в детстве. Потупился, отвлекаясь от навязчивых мыслей. Он потерял право размышлять напротив этого дома.

Сэйсин низко опустил голову, как будто прятал лицо от ветра, и так вышел к насыпи. Прошел межой между сухими полями, с которых так и не сняли урожай, и оказался на границе пихтовой рощи, у подножья одного из склонов в Привратной.

Ни в деревне, ни по дороге ему не встретилось ни души. Нет, не просто «не встретилось»: Сэйсину казалось, что в Сотобе и вовсе не осталось жителей. Не горел свет, не гремела посуда, никто не сидел у окон, молчали телевизоры, и по воздуху не разносился с кухонь ароматные запахи. Умирающая деревня слов-

но только ждала, когда от нее останутся одни развалины. Сэйсина, наверное, и самого можно было принять за привидение, бродящее на останках былого поселения. Он как тень, которая появляется после заката там, куда не ступает нога человеческая, только никто не видел его странной фигуры.

С этими мыслями священник ступил на дорогу, ведущую вверх по склону. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает. Но все равно не мог удержаться. Его гнало вперед короткое письмо, оставленное Симмэем. Над дорогой в конце подъема нависла монументальная громадина особняка. Сэйсин поднял глаза на черную сланцевую крышу, внимательно изучил серые стены. Хозяева дома плотно закрыли все ставни, но из-за них просачивалось желтоватое сияние. Какая ирония, что его цвет казался таким теплым.

Еще какое-то время Сэйсин не сводил глаз с величественного, потертого временем особняка, который, казалось, уже с седой древности надзирает отсюда за Сотобой. Закат все еще подсвечивал алым небом за этим домом и за горами.

Башня поглотила мужчину и предопределила его судьбу, но после его изгнания так и продолжит буравить взором холм как ни в чем не бывало.

Сэйсин сам удивился, с каким равнодушием нажал кнопку домофона. Он не слышал, чтобы в доме зазвенел звонок, и ему никто не ответил. Какое-то время священник ждал, и вдруг послышался шелест ветра. С тихим скрипом открылась калитка сбоку от ворот. Наружу выглянула Тацуми.

— Надо же! — изумился тот и улыбнулся весело, как в прежние времена. — Вы, господин Мурои? Вот не ждал.

— Простите за столь неожиданный визит.

— Что вы. — Тацуми распахнул калитку на полную ширину. — Прошу вас.

Тацуми улыбался беззаботно. Сэйсин бросил в проем один короткий взгляд и послушно принял приглашение. Дверь за его

спиной закрылась, щелкнул замок. Сэйсину захотелось обернуться, но он подавил этот порыв.

— Переживаете? — хихикнул Тацуми. — Приходится запирать, а то очень тревожно. Поводов накопилось...

С этими словами он обогнал Сэйсина и повел его за собой. Пригласил в освещенную прихожую.

— Давненько к нам не заходили гости. Впрочем, в последнее время и некому. У вас дело к хозяину?

— Думаю, скорее к Сунако.

— Вы уверены?

Священник молча кивнул. Явно заинтригованный, Тацуми раскрыл перед гостем дверь в холл. Там также горел свет, в камине потрескивали дрова. Маленьkim очагом ни за что не прогоришь такое большое помещение, но где-то, видимо, еще стоял радиатор, поэтому в просторном зале разливалось тепло. Самое обыкновенное человеческое жилище. Как будто бы Сэйсин прошел страной мертвых и наконец добрался до дома живых. Вот только все наоборот.

— Прошу, — пригласил Тацуми гостя пройти через еще одну дверь. — Ожидайте здесь.

— Благодарю. — Сэйсин поклонился, и его чуть не разобрал смех: до того насмешли эти пустые формальности.

Итак, он оказался в гостиной с эркером. Здесь огонь не горел, но все равно было тепло. Ради кого топили этот дом? Быть может, и им не чуждо чувство холода? Или все это для Сэйсира? А может... никакого практического смысла отопление и не несло? Просто зимой дома полагается отапливать. Так же и Сэйсин с Тацуми вовсе могли друг перед другом не расшаркиваться, но зачем-то все равно вели себя в точном соответствии с этикетом.

Сэйсин не знал, куда себя деть в этой теплой комнате. На этот раз дверь за его спиной открылась не скоро.

— Прошу прощения за ожидание, — извинился Тацуми.

Сэйсин обернулся на его голос и увидел девочку. Слуга нес на серебряном подносе чайничек и чашки, а Сунако в японской одежде скромно семенила за ним. Тацуми указал Сэйсину, куда присесть, и хозяйка устроилась с другой стороны столика, на который слуга выставил чайный сервиз. Гостеприимство и этикет. Тацуми занял позицию позади от гостя, на полпути к двери. Слепок с реальности, воспроизведенный по ее лекалу. Скорее всего, без заведенных правил никто из участников ситуации бы не знал, как себя вести.

— Что ж, — наконец нарушила хрупкое равновесие ситуации Сунако, — как я понимаю, вы пришли по делу?

Она улыбалась, но в голосе и на лице сквозило напряжение.

Сэйсин кивнул:

— Я бы хотел узнать, где мой отец.

Девочка недоуменно склонила набок головку:

— С ним что-то случилось?

— Он исчез в конце месяца. Отец неспособен самостоятельно передвигаться, однако его с тех пор так и не нашли. Возможно, ты что-то знаешь.

— Какая ужасная ситуация. — Сунако смущенно улыбнулась. — К сожалению, ничем не могу помочь, господин Мурои.

— В самом деле?

Девочка отвела взгляд.

— Вчера я убирался в его комнате и обнаружил текст письма, которое он составил. Приглашение. И тут я вспомнил, что прямо накануне исчезновения он попросил одного из служителей храма отправить письмо. На имя господина Кирисики, но я полагаю, что оно в итоге попало к тебе.

— Вашему отцу незачем писать мне письма. Я с ним ни разу даже не встречалась.

— Да, я знаю, что вы незнакомы. Думаю, именно поэтому он выслал приглашение в такой формулировке. Он адресовал его господину Кирисики, но только потому, что не знал, как у вас

в доме выстроены отношения. В реальности же он хотел пригласить тебя. Не знаю, кто в итоге откликнулся на его послание, да и неважно. Этот вопрос меня не интересует.

— Понятия не имею, о чём вы говорите, — улыбнулась Сунако. — Но предположим, что приглашение было. Что же именно вы хотите знать, господин Мурои?

— Зачем он его написал, — тихо объяснил Сэйсин. — Тринадцатого числа Токудзиyo Ясумори слег. Когда я об этом узнал, тут же отправился его навестить. С тех пор как отца разбил паралич, он не участвовал в делах деревни, а тут вдруг пригрозил, что если я его не возьму с собой, то он поползет. Когда-то давно они с Токудзиyo водили дружбу, и хотя я никогда не замечал между ними особой близости, но легко объяснил себе такое поведение отца. Однако во время визита он тоже вел себя странновато. Вовсе не было похоже, будто он сходил с ума от беспокойства и потому хотел непременно повидать больного. Я тогда решил, что отец все понял и на самом деле пришел попрощаться. Но сейчас я считаю иначе. Отец хотел что-то проверить. И во время визита утвердился в своей догадке. С самого возвращения он что-то тщательно обдумывал. К смерти Токудзиyo он не выказал ни малейшего интереса. Тот самый человек, что был готов ползти проведать больного друга, ничуть не расстроился от скорбного известия и не захотел поучаствовать в бдении. Он просто кивнул. Я совершенно не понимал почему. Не представлял, о чём он думает. И вот на следующий день отец поручает отнести на почту письмо. Письмо на имя господина Кирисики.

— Ого...

— Он написал приглашение. Дата создания файла — пятнадцатое число. Через два дня после визита к Токудзиyo. Что он понял, пока был в гостях, о чём думал, когда составлял текст? Потом он ненадолго оставил файл в покое. Возможно, не решался напечатать. Услышав о смерти Токудзиyo, он еще

два дня размышлял, но затем наконец поручил отнести письмо на почту. Что сподвигло его принять решение? Именно это я и хочу знать.

Итак, у старого друга Симмэй в чем-то уверился, поэтому написал приглашение. Судя по всему, он прекрасно понимал, кого зовет в дом. Он писал демонам праха как раз потому, что осознавал их природу. Но ведь это равносильно самоубийству. Неужели Симмэй, отдавая себе отчет в собственных действиях, позвал в дом убийцу?

В сердце Сэйсина поселилась непонятная тьма. Когда-то он под ее влиянием выбрал смерть, но до сих пор не понимал, что его подтолкнуло. Он только осознавал наличие тьмы, а ее природу не разумел. Тем не менее сыну казалось, что отца тьма не коснулась. Он принимал любовь и уважение прихожан, поток которых не ослаб даже во время его болезни. И вот оказывается, что внутри отца клубилась та же тьма, и она подстегнула старого настоятеля написать письмо. Его душу мучили мрачные порывы. Пусть Сэйсин не понимал их природу, возможно, Симмэй ее знал... Поэтому сын так жаждал расспросить отца.

Убийство без умысла — не убийство, а несчастный случай.

Без умысла — не убийство.

На преступление нельзя пойти без причины.

— Я хочу понять, почему отец захотел умереть, — проборотал Сэйсин. — Мне очень нужно знать.

Какое-то время Сунако хранила молчание. Затем тихо вздохнула, но священник не понял, что за эмоции смешались в ее вздохе.

— Полагаю, это известно только ему.

— Наверное, ты права. Но я надеялся: вдруг он что-то тебе рассказал?

Если Сунако получила письмо и в самом деле нанесла визит, наверняка не удержалась и спросила, чем обязана такому приглашению.

— Если что-нибудь знаешь, пожалуйста, расскажи... Или, если возможно, проводите меня к отцу, чтобы я спросил его сам.

Сунако не ответила. Она отвела взгляд, и чувствовалось, что колеблется.

— Мне невыносимо неведение. Расскажи, если что-то знаешь.

Девочка подняла голову и заглянула Сэйсину в глаза.

— Зачем отец позвал тебя?

— Просто он очень устал.

Симмэй устал. Болезнь связала его по рукам и ногам, душу изъело постоянное чувство неполноценности и боль. Но...

Симмэй вновь возвел глаза.

Потолок в его уединенной лачуге покрывали ужасные пятна, он прогнил и уже прогибался. Вот-вот погребет старика под собой. С тех самых пор, как Симмэй очнулся ото сна, его глаза видели даже в кромешной тьме. Однако больше ничего не изменилось. Болезнь по-прежнему плотно пеленала его, и без чужой помощи Симмэй не мог даже подняться на ноги.

«Я все совсем не так представлял...»

Он и подумать не мог, что так выйдет, когда писал письмо и приглашал в комнату демонов праха.

Удар хватил его в начале прошлого года, в возрасте шестидесяти пяти лет. Сначала старший настоятель впал в кому, но если жизнь еще удалось каким-то чудом сохранить, то руки и ноги отнялись. Поначалу — не полностью, но за время госпитализации состояние ухудшилось, и к моменту выписки Симмэй уже не вставал с постели. Прежде здоровье его почти не подводило, несмотря на почтенный возраст, поэтому он недооценивал старость. Сверстники постепенно уходили, но в собственном долголетии Симмэй, как он теперь понимал, никогда не сомневался. Только оказалвшись прикованным к постели, он осознал, что дожил до тех лет, когда смерть может прибрать его к рукам в любой момент.

И перед лицом гибели он осознал, как много еще не сделал. По меньшей мере — не передал сыну ведение храмом. Симмэй с усиленным рвением проходил реабилитацию, чтобы по крайней мере суметь высидеть церемонию назначения нового настоятеля. Так к нему вернулась способность сидеть — и старику захотелось большего. Он решил, что непременно научится если не ходить, то хотя бы самостоятельно передвигаться в инвалидном кресле, но в итоге перестарался и упал. От старости и лежачего образа жизни кости у него истончились. Он сломал обе ноги и в придачу повредил позвоночник. К тому моменту, как кости срослись, сухожилия атрофировались, и суставы застыли в неправильном положении. Так Симмэю пришлось отказаться от мыслей не то что о ходьбе — но и о том, чтобы самостоятельно садиться и ездить в инвалидном кресле. Боль от поврежденного позвонка мучила его страшно. Она осталась даже после nominalного выздоровления, а когда усиливалась, то он не мог толком пошевелиться. Только лежал и терпел, пока однажды не понял, что жизнь уже подошла к концу.

Пусть Симмэй пока не умер, жизнь все же практически закончилась. С храмом безукоризненно справлялся сын. Оказалось, что старый настоятель для этого не нужен. Что он всего лишь больной стариk, обуза для семьи и прихода, который коротает дни в подаренной верующими дорогой койке и даже неспособен самостоятельно дойти до туалета. Симмэй был больше никому не нужен и ничего не мог, никто его ни о чем больше не просил.

Нет, хуже.

Даже в нынешнем состоянии Симмэй остался главным настоятелем, и он по-прежнему пользовался у прихожан любовью и почетом. Какое бы горькое отчаяние его ни захлестывало, положение обязывало старика широко улыбаться, и он не смел ни жаловаться, ни злиться. Поскольку делами прихода управлял уже не он, Симмэю оставалось лишь одно — играть роль мудро-

го старого настоятеля, иначе он утратил бы всякий смысл существования. Стал бы по-настоящему бесполезен. Поэтому он не выходил из роли и получал причитающийся к ней почет, но Симмэй лучше всех понимал, что это просто театр. И вдруг ему подумалось: а разве раньше было иначе?

Из пятерых детей Симмэй был единственным сыном. Сестры унаследовать храм не могли — только он. На него очень полагались и семья, и прихожане. С самого детства все видели в нем только «юного послушника», когда подрос — «молодого настоятеля», а затем — просто «настоятеля». Никто не допускал и мысли, что он может пойти иным путем.

Размышляя об этом на одре болезни, Симмэй понял, насколько символично его текущее положение. Он лежал в дорогой, оборудованной по последнему слову медицины постели, которую поднесли ему в знак любви и уважения прихожане. Под искренними чувствами таилось немое: «Так и будь нашим любимым настоятелем. Пока ты ценишь нашу заботу, мы будем одаривать тебя почтением. И отвернемся, как только ты предашь наши ожидания, и забудем тебя вовек».

Так Симмэй и прожил всю жизнь. За маской любви и почтения таились жесткие требования. Прихожане не допустили бы, чтобы он хоть на шаг ступил с той узкой дорожки, что они для него приготовили. Покинуть постель на собственных ногах значило ввергнуть самого себя в ничто. Оставалось послушно лежать. Из осмысленных поступков Симмэй мог лишь поддерживать образ хорошего иуважаемого настоятеля, а не нахального и ущербного, и он прилежно исполнял свой долг. Но с каждым днем постылая роль сковывала его все сильнее. Так же, как от лежачего образа жизни у него все больше отнимались ноги.

Удар хватил Симмэя и приковал его к постели в шестьдесят пять, но в реальности он был несвободен с самого рождения. Он понял это только сейчас, но руки и ноги уже не шевелились, по-

тому он при всем желании больше не мог покинуть одр болезни. Так он, по всей видимости, и умрет, ни разу не побывав самим собой.

«Какая суeta...» — думал он, скрипя зубами и буравя взглядом потолок. От безысходной тоски он даже хотел собственно-ручно положить конец всем мучениям, но тело лишило его даже этого выбора. И тут, словно в насмешку над старым настоятелем, по деревне чередой прокатились смерти.

Когда он все понял? Заметив, что люди умирают слишком часто, Симмэй быстро увязал происходящее с преданиями о демонах. Возможно, всему виной была инфекция или чья-то злая воля. Или, возможно, впрямь какой-то сверхъестественный феномен, но все эти явления для Симмэя описывались одним и тем же словом.

В деревню явились демоны. И пустились в разгул. Те, кого они касались, помечались печатью смерти, а усопшие, не находя в могиле покоя, пополняли их ряды, и смерть только множилась. Чутье старого настоятеля быстро начертило ему общую схему происходящего, но он не стал никого предупреждать. Отчасти из здравомыслия, отчасти потому, чтоциальному настоятелю не полагается о таком говорить. Но в основном распространение смерти попросту приносило ему мрачную радость. Хотелось проследить, до каких она дойдет пределов.

Все верно: он возненавидел мир, который впихнул его в единственную дозволенную отливочную форму.

Прихожане требовали от него безупречности, потому что именно такой настоятель им был нужен. Они искали человека, который защитит храм и могилы, а на эту роль лучше подходил сострадательный и любящий человек. И вот поэтому Симмэя перемололи, перекроили, заставили отвечать их требованиям. Он — прекрасная жертва, которой не дозволено задаваться экзистенциальными вопросами. На эту роль необязательно подошел бы именно Симмэй. Им сгодился любой, лишь бы вел себя

как подобает и не покидал храм. Читал сутры, проповедовал и никуда не исчезал — а там уже неважно, кто он: Симмэй, Сэйсин или кто-нибудь еще.

Тщета собственной жизни терзала Симмэя. Почему же он не заметил раньше? Его срок подходил к концу. По сути, уже подошел. Больше никаким чудом ничего не исправить...

Впрочем, нет. Один-единственный шанс все же оставался. В деревне бушевали демоны. Если умереть и возродиться, то Симмэй еще все переиграет.

Во время визита к Токудзиго он обнаружил у того на шее два кровоподтека. Маленькие ранки поверх сонной артерии. Когда Симмэй вернулся в храм, то глубоко задумался, а новости о кончине старика только подкрепили его решение. Он решил пригласить демонов в дом. Положить конец жизни в койке, в опостылевших храмовых стенах, и начать вторую, новую жизнь.

Тогда Симмэй еще не знал, что далеко не все усопшие потом возвращаются к жизни. Зато точно знал, что он узник обители и никому не нужен. Жителям нужен не лично Симмэй, а наставитель. Жить же по велению души ему не позволено. Его заточили в клетку почитания, заставили принести себя в жертву, и вот в конце пути он прикован к постели, подаренной прихожанами. Осталось только обездвиженным ждать смерти. И это невыносимо голодало душу. Он ненавидел тех, кто его связал. И потому пригласил демонов праха.

«Но я не так все себе представлял...»

Симмэй смягил очи. Из уголка глаза по виску скатилась холодная слеза.

К счастью, Симмэй ожил... Но к счастью ли?

После воскрешения он не помолодел. Он понимал, что изменился. Глаза научились видеть во тьме, сердце навек утихло, и он больше не нуждался в воздухе. Больше никаких экскрементов и унизительных сиделок. Но только и всего. Он так и не вернул утраченную свободу движений — так и не встал на ноги. Обрел